

УДК 321.74(47+57)
ББК 66.1(2)53-194
X17

Халфин, И.

X17 Автобиография троцкизма: в поисках искупления. Том 2 / Игал Халфин. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 928 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-2502-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4448-2503-7

Масштабный исследовательский проект Игала Халфина посвящен ключевому ритуалу большевизма — критическому анализу собственного «я», перековке личности с помощью коммунистической этики. Анализируя процесс этой специфической формы самопознания, отраженной в эго-документах эпохи, автор стремится понять, как стал возможен Большой террор и почему он был воспринят самими большевиками как нечто закономерное. Данная книга — вторая часть исследования, которая отличается от первой («Автобиография большевизма») большим хронологическим охватом (повествование доходит вплоть до 1937 года) и основывается преимущественно на материалах сибирских архивов. Герои этой книги — оппозиционеры: рядовые коммунисты, крестьяне с партизанским опытом, подучившиеся рабочие, строители Кузбасса, затем исключенные из партии и заключенные в лагеря как троцкисты или зиновьевцы. С помощью их эго-документов и материалов контрольных комиссий 1920-х годов Халфин прослеживает внутреннюю логику рассуждений будущих жертв Большого террора, а также те изменения в языке и картине мира, которые сопровождали политические и идеологические трансформации постреволюционной эпохи. Игал Халфин — профессор департамента истории Тель-Авивского университета, специалист по ранней советской истории, теории литературы и кино.

УДК 321.74(47+57)
ББК 66.1(2)53-194

© Igal Halfin, 2024
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2024
© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 4. Мытарства	6
1. <i>Оппозиционеры на перепутье</i>	14
2. <i>Сближение</i>	35
3. <i>Резонанс высылки Троцкого</i>	53
4. <i>Чистка 1929 года</i>	114
5. <i>Томичи на практике</i>	194
Глава 5. Очищения	251
1. <i>Убийство Кирова и зиновьевцы</i>	256
2. <i>Кузбасс — Ленинград — Москва</i>	300
3. <i>Грешен, премного грешен</i>	369
4. <i>Нечисть на производстве</i>	409
5. <i>Любовь оппозиционеров</i>	467
Глава 6. Мучения	503
1. <i>Готов топить любого, лишь бы всплыть самому</i>	508
2. <i>Театр НКВД</i>	557
3. <i>Добивание</i>	589
4. <i>«Операция» НКВД</i>	639
5. <i>Чекистское братство</i>	689
Эпилог. Смерть оппозиционера	759
Приложение. Оппозиция в межвоенной карикатуре	798
Примечания	874
Указатель имен	915

Глава 4. Мытарства

Судя по языку описания оппозиции, 1928–1930 годы можно назвать промежуточными во всем, что касается внутривнутрипартийной борьбы. Оппозиционеров то прощали, то усугубляли их вину и преследовали. В это время термин «троцкизм» наполнялся конкретной историей и более или менее стабильным содержанием, все чаще ассоциируясь с контрреволюцией. Как бы ни менялись политические ярлыки и как бы расплывчато ни определялся внутренний враг, оппозиционеров перестали медикализировать и «лечить» — их третировали и исключали. Дискурсивные сдвиги происходили в контексте острых схваток в партийных верхах. Дискурс давал сторонам не только оружие, рычаг воздействия, но и метод осмысления политических событий.

Вслед за «землетрясением» декабря 1927 года и исключением сторонников Троцкого и Зиновьева из партии последовала целая серия добавочных «толчков», вносящих все больший разлад в ряды руководства ВКП(б). События разворачивались на фоне серьезного кризиса, охватившего экономику страны сразу после окончания XV съезда. Курс на «сверхиндустриализацию» за счет выкачивания средств из деревни принудил крестьян массово придерживать хлеб, ожидая повышения цен; в партии начали говорить о так называемой «кулацкой хлебной стачке». Срыв хлебозаготовок привел к перебоям в снабжении городов, у продовольственных магазинов выстраивались длинные очереди, кое-где были введены продовольственные карточки. У партийных пропагандистов спрашивали на заводских собраниях: «Почему на одиннадцатом году революции не хватает хлеба? Почему кризис всех товаров первой необходимости?»¹

Еще на съезде, в декабре 1927 года, дано было указание плановым органам исходить из «более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития» и переноса центра тяжести в область производства средств производства, а не средств потребления². Уже через восемнадцать дней после окончания работы съезда Сталин в письме Политбюро от 6 января

1928 года объявил о проведении в деревне ряда экстраординарных мер — вопреки решениям съезда и без ведома Центрального Комитета. Апрельский пленум ЦК и ЦКК одобрил новую политику задним числом, заявив в своем решении: «...мы можем с полным основанием констатировать, что указанные мероприятия в партии, в известной части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок»³. Крестьян обязали продавать зерно государству по твердым, ниже рыночных, ценам. Тех, кто отказывался сдавать хлеб государству, привлекали к судебной ответственности по 107-й статье Уголовного кодекса (лишение свободы до одного года с конфискацией всего или части имущества). «Мы хотим убить у середняка веру в перспективу в отношении повышения цен на хлеб», — разъяснил Сталин на закрытом бюро Сибкрайкома ВКП(б) в ходе своей командировки по Сибири для преодоления затруднений с хлебозаготовками в январе 1928 года⁴.

Споры внутри сталинско-бухаринского блока о желаемой экономической политике начались весной 1928 года, усиливаясь по мере углубления экономических проблем в стране и все более частого их решения путем голого администрирования. Апрельский пленум ЦК ВКП(б) обязался предотвратить угрозу общехозяйственного кризиса, обеспечить снабжение хлебом городов, отстоять взятый партией темп индустриализации страны⁵. Разногласия внутри Политбюро стали очевидны на июльском пленуме ЦК при обсуждении доклада Микояна о политике хлебозаготовок. «Мы не можем зарекаться, раз навсегда от применения чрезвычайных мер», — оправдывал свою политику Сталин, выдвинув тезис об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму»⁶. Придерживаясь другого мнения, Бухарин, Рыков и Томский выступили против «чрезвычайщины» в экономике, полагая, что она приведет к дисбалансу в промышленности и сельском хозяйстве. Бухарин возмутился положением о «сверхналоге» на крестьянство — временной «дани», принимающей форму «ножниц» между ценами на индустриальные и сельскохозяйственные продукты⁷. «Линия Бухарина — Рыкова» временно восторжествовала, и в резолюции пленума указывался «временный характер» чрезвычайных мер, которые «органически не вытекали из решений XV съезда партии об усилении наступления на капиталистические элементы деревни...»⁸.

30 сентября 1928 года «Правда» опубликовала статью Бухарина «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года», предостерегавшую против чрезмерно высоких темпов индустриализации. Бухарин писал о необходимости обеспечения «экономического равновесия» между промышленностью и сельским хозяйством и критиковал идею форсированных капиталовложений в промышленный сектор. Орджоникидзе писал Ворошилову: «Зря он выскочил с такой статьей <...> Бухарчик в этой статье открыто не осмелился сказать, чего он хочет, а потому вышло и левым, и правым, в результате все недовольны»⁹. Политбюро констатировало 8 октября 1928 года, что редакция

«Правды» не должна была публиковать статью без его ведома, в силу наличия в ней «ряда спорных положений», и Бухарина сняли с поста главного редактора газеты¹⁰. Аспирант Академии наук СССР Дмитрий Петрович Марецкий, человек правых убеждений, признаётся потом на следствии, что

Бухаринские «Заметки экономиста» выражали позицию правых не целиком, а вполголоса или даже в четверть голоса. Чтобы «не дразнить гусей» (т.е. чтобы не вызывать резкого возмущения партийных масс), нам приходилось слегка «расшаркиваться» перед курсом на индустриализацию и коллективизацию; нам приходилось, как я иногда выражался, «ставить свечки перед иконами, перед ходячими догмами». Откровенные разговоры велись за спиной партии. Вот примеры такого рода разговоров. В связи с применением чрезвычайных мер против кулака мы говорили о «чрезвычайщине» в экономике и «чрезвычайщине» в политике (Бухарин). Мы утверждали, что страна «на всех парах» идет к кризису и к хозяйственному краху. Я говорил об «индустриализации на осадном положении». Центральный Комитет партии — «организатор голода» (Бухарин). Практика коллективизации — это режим «аракчеевщины» в деревне; новые фабрики — «голые кирпичные коробки»; в магазинах, де, нет ничего кроме «портретов вождей». А.И. Рыков даже закрытие «черной биржи» ставит партийному руководству в минус (срывается, де, рубль). Происходит, де, гибельный возврат к военному коммунизму. Ведется «политика пролетарского балбеса» (Бухарин). <...> Выражения вроде: «цезаристская социальная демагогия» Сталина, «автократическая система управления», «Сталин — Чан-Кай-Ши», «чингисхановское руководство» партией, — были в большом ходу у Бухарина и у нас¹¹.

19 октября 1928 года Сталин делал доклад на пленуме Московского партийного комитета и Московской контрольной комиссии ВКП(б). «Есть ли в Политбюро какие-либо уклоны? — спрашивал он. — В Политбюро нет у нас ни правых, ни левых, ни примиренцев с ними». В то же время он анонсировал «правый уклон»: «Что касается правой опасности, которая существовала и раньше, и которая теперь выступает более выпукло в виду усиления мелкобуржуазной стихии в связи с заготовительным кризисом прошлого года, то она, я думаю, не так ясна для известных слоев нашей партии. Поэтому задача состоит в том, чтобы, не ослабляя ни на йоту борьбы с левой, троцкистской опасностью, сделать ударение на борьбе с правым уклоном и принять все меры к тому, чтобы опасность этого уклона стала для партии столь же ясной, как ясна для нее троцкистская опасность»¹².

У левой оппозиции были свои объяснения причин кризиса и свой набор мер для его преодоления: «Зигзаг Сталина влево» и его борьба с правыми проходят при продолжении и усилении курса на строительство социализма в одной стране, при продолжении и усилении репрессий в отношении левой оппозиции,

члены которой содержатся в тюрьмах и ссылках. Индустриализация, говорили далее в этих кругах, сопровождается резким снижением уровня жизни рабочего класса, снижением его доли в национальном доходе, подавлением активности масс, зажимом внутрипартийной демократии. В деревне проводится неплановая и непродуманная политика, «экстраординарные меры приводят к затруднениям при заготовках хлеба, а коллективизация проводится путем усиленного административного нажима»¹³. В пику заявлениям сталинской группы «левые оппозиционеры» утверждали, что экономическое обострение выросло вследствие обострения экономических диспропорций, связанного со слишком медленными темпами индустриального роста. Е. А. Преображенский не соглашался с Бухариным, винившим во всем «слабое развитие сельского хозяйства». В его программной статье от ноября 1928 года под ироническим заглавием «Заметки экономиста на „Заметки экономиста“» Преображенский утверждал, что главная проблема, провоцирующая хозяйственный дисбаланс, «заключается в том, что промышленность систематически не покрывает товарного спроса деревни, закупоривает процесс развития и товаризации сельского хозяйства». При недостаточном предложении промтоваров «не получается не только социалистической смычки с кооперированными середняками и бедняками, но и капиталистической смычки с кулаком», объяснял Троцкий VI конгрессу Коминтерна в июле 1928 года. Центральной составляющей альтернативной программы преодоления экономических трудностей являлся тезис о необходимости ускорения индустриализации. По мнению Преображенского, крупная промышленность нуждалась в периоде «первоначального социалистического накопления», в ходе которого средства для развития индустрии должны были изыматься из деревни. На первых этапах индустриализации требовалось безвозмездное перемещение какой-то доли прибавочного продукта из сельского хозяйства на заводы. Желаемого результата можно было добиться через регулирование цен, обеспечивающее индустрии прибыли, достаточные для ее неуклонного развития, и гибкую систему налогообложения, позволяющую систематически отчуждать в распоряжение государства часть излишка, производимого в зажиточных крестьянских хозяйствах¹⁴.

На ноябрьском пленуме ЦК 1928 года сталинцы все еще продолжали отстаивать центристские позиции. Развитие тяжелой промышленности возможно лишь при более быстром обороте легкой индустрии, соглашались они с правыми. Но переход к уничтожению остатков экономических свобод и жесткому администрированию был явным сдвигом влево. В одиннадцатую годовщину Октябрьской революции на партсобраниях можно было услышать официальные лозунги, ранее ассоциировавшиеся с Троцким и Зиновьевым: «Опасность справа!», «Ударим по кулаку!», «Согнем нэпмана!», «Ускорим индустриализацию!»¹⁵

Хотя юридически нэп был прекращен только 11 октября 1931 года, с принятием постановления о полном запрете частной торговли в СССР, апрельский

пленум партии 1929 года сломал экономический и социальный строй, провозглашенный Лениным после окончания Гражданской войны. На пленуме Бухарина обвинили в «недооценке новых форм смычки социалистической промышленности с сельским хозяйством, недооценке роли совхозов и колхозов при явной переоценке возможностей развития мелкого крестьянского хозяйства». Сталин сказал о нем: «Вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике»¹⁶.

Повредило правым разглашение попытки Бухарина в июле 1928 года обсудить возможность блока с умеренным крылом левой оппозиции¹⁷. При встрече с Каменевым, которая держалась в секрете, Бухарин предостерегал левых против соглашения со Сталиным и предлагал объединить для борьбы с ним усилия всех внутрипартийных течений: «Он нас перехитрит. Он — новый Чингисхан, он нас уничтожит. <...> Если Сталин победит, не останется и помину о свободе. Корень зла в том, что партия и государство слились. <...> Старые деления стали недействительными... Сейчас речь идет не о нормальном различии в политике, но о сохранении партии и государства и о самосохранении противников Сталина. <...> Для него важны не идеи, он беспринципный политикан, жаждущий власти, он знает только месть и удар в спину. Надо объединиться для самозащиты»¹⁸.

Содержание переговоров Бухарина с Каменевым известно было Зиновьеву из подробного письма Каменева к нему в Воронеж, написанного в тот же день, и он тоже был не прочь прозондировать почву. Во время VI конгресса Коминтерна Бухарин увез его к себе. «Вместе ночевали и проговорили до самого утра, — вспоминал Зиновьев. — Прежняя личная близость еще больше развязала языки. Вражда к Сталину объединяла нас обоих, и беседа лилась совершенно непринужденно. Мы изливали друг перед другом эту вражду к Сталину наперебой. Бухарин, чтобы показать мне, какие он и его единомышленники „хорошие“ оппозиционеры, с места в карьер сообщил мне, что они (правые) иначе не называют Сталина, как такой-то ультрабранной кличкой (по сути — черносотенной). И в этом бухаринцы не отставали теперь от зиновьевцев!»¹⁹

Присутствовавший при встрече заведующий отделом агитации и пропаганды в Белоруссии С. М. Гессен помнил примерно то же: «Зиновьев и Бухарин сравнивали роль Сталина для партии с ролью Столыпина и Плеве для царского режима. Бухарин давал Сталину ряд эпитетов, проникнутых жесточайшей личной ненавистью и выдержанных в уголовном жаргоне. <...> Подозревая у Зиновьева „иллюзии“ о возможности „договориться“ с ЦК, Бухарин всячески старался их рассеять. Он рассказывал, что правые в Политбюро стояли за досрочное (т. е. раньше установленных XV съездом 6 месяцев) восстановление зиновьевцев в партии, но что это „сорвал“ Сталин. О Сталине Бухарин говорил: „Он вам ходу не даст“. О Молотове: „Он физически ненавидит тебя и Каменева“. Нащупывая возможность блока с Зиновьевым, Бухарин оговаривался, что с Троцким сейчас дело не выйдет. К Троцкому в ЦК общая ненависть

всех — „без различия пола и возраста“». По воспоминаниям Гессена, беседа коснулась также прошлых разногласий: «Бухарин признавал свою „роковую ошибку“ в том, что он поддержал Сталина. Отвечая на упреки Зиновьева по поводу теории о возможности построения социализма в одной стране, Бухарин говорил ему: да это не моя теория, это Сталин выдумал. Я был против вас только потому, что вы очень уж упирали на техническую отсталость России, а надо исходить не из этого»²⁰.

Письмо Каменева, дословно излагавшее разговор с Бухариным, попало в копии к Троцкому и было им опубликовано в виде нелегальной листовки. Общее недовольство тоном переговоров выразил Менжинский: «Никто не обязан любить Сталина и пр. Но, во всяком случае, обращаться к людям, против которых наравне с троцкистами вчера велась ожесточеннейшая борьба тем же Бухариным, — это никуда не годится. По-видимому, он чувствует себя к ним ближе, чем к членам Политбюро»²¹.

17 марта 1929 года Сталин писал Орджоникидзе о Каменеве:

Нет оснований сомневаться, что в лице Каменева и его друзей мы имеем беспринципную группу, подменяющую принципиальную политику беспринципной «политикой» верхушечных комбинаций. Это не политика, а политиканство. Факты последнего периода: 1) сначала «каменевцы» пробовали зондировать почву для блока с троцкистами (после разрыва с ними!). Об этом прямо говорит Троцкий в своем октябрьском письме. Подумай только: объявить троцкистов контрреволюционерами и вместе с тем искать блока с ними. 2) Потом они зондируют почву для блока с «бухаринцами» (после объявления их «правыми!»), — против кого? Против большинства, с которым они на словах солидаризируются. Блок «левых» («каменевцев») с «правыми» («бухаринцами») против «левых» (т. е. большинства ЦК), — подумай только. 3) А теперь, после того, как они («каменевцы») добились оклеветания (устами Бухарина) руководства партии: и ЦК («запись» Каменева, «украденная» троцкистами, которая была известна всей троцкистской братии еще в октябре 1928 г., но о которой ничего не было известно ЦК, — по милости подозрительной «конспирации» Кам. и Зин., — до ее опубликования троцкистами), они предлагают нам по сути дела блок («готовы помочь партии») против вчерашних своих союзников. И это после того, как они же распространяют слухи о том, что мы (большинство) являемся представителями «грядущей керенщины» <...>.

Вместо принципиальной политики — «политика» верхушечных комбинаций, вместо честной большевистской работы — закулисные махинации по организации блока с любым течением, лишь бы пробраться к руководству — вот тебе вся физиономия «каменевцев». Я думаю, что мы должны так или иначе отмежеваться от этой группы, отмежеваться официально, отмежеваться без оговорок, чтобы все знали, что мы не имеем (и не хотим иметь) ничего общего с политиканством, с беспринципными верхушечными комбинациями²².